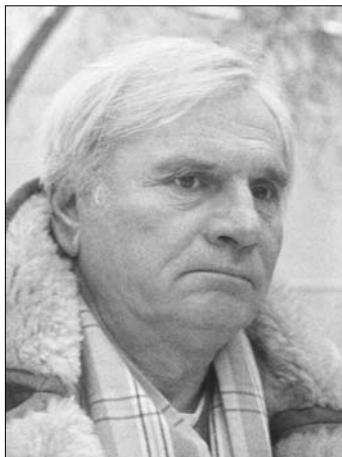

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

“НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ О НЕЙ...”

ПОВЕСТЬ

*Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела,
И ни одна в кудрях моих
Ещё сединка не белела.*

А. С. Пушкин

*Мне стыдно потому,
что всё прошло.*

Ю. П. Кузнецов

Она была белокурой, точнее, белокудрой, на французский манер — блондинкой. Но слова эти не могут её нарисовать. В русском языке светлые женские волосы исчерпывающего названия не имеют. А потому без эпитетов, метафор изобразить это чудо природы невозможно.

У Сергея Есенина: “Со снопом волос твоих овсяных // Отоснилась ты мне навсегда...” Или: “Тех волос золотое сено // Превращается в серый цвет...”

Но у неё волосы были не “овсяные”, а настоящая пшеничная солома, подслащённая золотистым мёдом, колосистая солома — тёплое и густое марево вокруг милого девичьего лица с ласково глядящими васильковыми глазами. Подобные волосы олицетворяют самую плоть женскую, её злаковость.

АНДРЕЕВ Владимир Фомич родился в 1939 году в Харькове. Окончил Харьковский инженерно-строительный институт. Затем окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал строителем, журналистом, редактором. Автор книг стихов: “Тяжёлые ветви”, “Солнечный сруб”, “Треснула чаша русского утра”, “Светлое бремя росы”, “Красная горка”, “Самая печальная радость”, “Меч спокойствия”. Автор рассказов и повестей. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Они есть продолжение женщины, её хоругвь. Но не все это понимают, даже сами обладательницы этой роскоши...

Её звали Дарьей. Шёл ей девятнадцатый годок, а мне — двадцать четвёртый. И встретились мы с Дашей в городе Орске, куда она приехала из Оренбурга. Этой весной она окончила десять классов. У меня же за спиной было пятнадцать лет учёбы: школа и Харьковский инженерно-строительный институт. В Орск я прибыл по распределению: отработать на благо Родины, предоставившей мне бесплатное образование. Скромностью излишней я не отличался. Был молод, не женат, что сообщало смелость моим действиям... Я ничего не боялся, отвечал только за себя и думал, что если пострадаю от чего-то, то пострадаю только я один и больше никто. Так мне казалось. А ведь я жил с родителями, любил их, а они, естественно, — меня. А всё, что естественно, как, скажем, воздух, ощущается слабо. Я познавал жизнь через учёбу, книги и реальный опыт, который, как известно, — “сын ошибок трудных”. И “впереди паровоза” неслась молодость. Она, эта молодость, и заслоняла многое, в том числе и жизнь подлинную, которая открывается позднее. Я думаю, таким образом молодость охраняет себя от старости. Хорошо это или плохо, Бог весть. Но если я думаю, это уже большое достижение личного начала в человеке... И потому жизнь и её законы я чувствовал, но не осознавал, и в этом было спасение молодости. В такие годы более всего действует в нас Божий Промысел и судьба. Вера в надёжность жизни. Это похоже на то, как садясь в автобус или поезд, мы полностью доверяем своё существование и безопасность водителю. Вот она, простота и опасность жизни! Они рядом. Всё воспринималось на скорости, на ходу, без забрала... Гораздо позднее я понял смысл правдивого восклицания Есенина: “Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..”

После последней перед дипломом сессии, переходя с четвёртого курса на пятый, мы по линии военной кафедры отправлялись в летние лагеря. “Солдаты мы, и в этом наша слава!..” Духовой оркестр ударил марш “Прощание славянки”. После военных лагерей нам присвоили звания инженеров-лейтенантов, короче, мы получили квалификацию военных специалистов широкого профиля — сапёров по возведению мостов, фортификационных сооружений и строительству дорог. До сих пор я не могу забыть старшину, который, давая команду на построение, с серьёзной физиономией произносил зычным голосом:

— Три калеки, две чумы — стройся!

В другой раз:

— Сено-солома, стройся!

Подобное солдатское простодушие вносило в нашу жизнь ощущение мужества, которым должен отличаться солдат, русский офицер, и защищало от уныния.

“Не губите молодость, ребята...” — пела пластинка у соседа... Я старался, как мог, не губить её. Спорт, физическая культура естественно, с детства вошли в мою жизнь: футбол, игры в свайку, городки, гимнастика, плавание... Это укрепляло моё тело, совершенствовало его. И незаметно к девятнадцати годам у меня появились широкие плечи, рельефный плечевой пояс, тонкость в поясице и гибкость. “В убогом теле хиреет разум...” Эту фразу Жан-Жака Руссо я помнил ещё с отрочества.

И вот я окончил курс науки в институте! Я переломил все обстоятельства: безденежье, нужду, несчастье моих родителей, перенёсших в детстве раскулачивание, упразднение казачьего сословия и высылку из родных станиц, “чтоб не давать им укореняться”, голод, войну и послевоенную неустроенность, унижения... Мой отец, фронтовик, был на передовой, дошёл только до Бухареста, где был ранен. А в тридцатых годах остался малолетним сиротой, — родители погибли, не вынесли несправедливостей. Мой дед Кузьма просил представителей власти, чтобы они забирали всё, что хотят, только чтобы оставили “на корню”. “Мы всё заработаем сызнова”, — говорил он. Но напрасно... Виноват потерпевший.

Итак, я уезжал в Орск.

Мать мне подарила в путь-дорогу полотенце холщовое, с алой вышивкой болгарским крестом по концам. Ткала и вышивала полотно мама сама ещё в молодости. Вообще, расставания на Руси бывали частыми, если учесть наши расстояния, а потому символ дороги — полотенце, ширинку, которую во век не скатать, — всегда дарили уходящим. А чтобы дорога была без помех, *стелилась скатертью*, вслед махали платком. “Платком махнула у ворот // моя любимая...” Сестра подарила мне электробритву, отец — чемодан.

Вышел я в самом Орске, в старом городе, на левом берегу Урала, который соединялся с новым городом — соцгородом — дамбой по пойме и мостом. У поймы реки вразброс стояли дома с высокими фундаментами, под железными четырехскатными (по-казацки!) крышами. Когда-то река Яик разливалась широко и раздольно, после постройки Ириклинской ГЭС подтопление стало незначительным. Это и хорошо, и плохо. Урал, как и Орь, до сих пор изобилует рыбой, вода в этих реках щелочная — как результат таяния льда и снегов с Уральского хребта. Степи южноуральские необычайно засушливы. И воды от половодья — не лишнее прибавление. Здесь сеют капусту и процветают огородные участки горожан. Немцы, кроме всего прочего, развели сады. Раньше сады вымерзали, поскольку степные ветры сдували снег с корней деревьев. А немцы осенью, когда начинались морозы, заливали сады водой, и ледовый покров предохранял корни от вымерзания. Часть немцев как раз работала в “Оркспецстрое”, куда я был приписан, они были специалистами по сантехнике, гидрологии и бурению. Воду они находили везде.

Управление находилось неподалёку от нефтеперерабатывающего завода. Начальник управления — высокий, с густыми русыми волосами — протянул мне широкую и крепкую ладонь. В его серых глазах мягко светилась доброжелательность. Кажется, по всему было видно, что он рад моему появлению на земле Южного Урала. Его звали Арсений Саввич Соколов. Я был зачислен на должность прораба с окладом сто пятьдесят рублей вкпе с уральским коэффициентом.

— Кроме этого, вам положены, как работнику “на линии”, монтажные, но размер их вы должны уточнить у начальника и в бухгалтерии, — сказал кадровик Виталий Васильевич. Он вернул мне паспорт, диплом и военный билет, а также вручил направление в общежитие и поликлинику на предмет пригодности моей на “трудных работах” в оренбургских степях. — Да, товарищ Деговцов, обязательно пропишитесь в паспортном столе и станьте на учёт в военкомате.

— Есть, товарищ начальник отдела кадров, — браво ответил я.

Я отправился к Арсению Саввичу, который сидел за столом, уронив могучие руки на столешницу. Здесь же сидели главный инженер и начальник производственно-технического отдела — две вожжи управления в руках Соколова. Оба немцы. Главный инженер — упитанный и короткорукий, в узких очках с тонкой металлической оправой — радушно встал и принял меня поздравлять и благодарить за то, что я приехал помочь управлению справиться с инженерными задачами, поставленными партией и правительством, которые были связаны с пусковыми объектами семилетки.

И в конце своей краткой речи он представился:

— Шнайдер Эрнест Францевич.

Получив семьдесят рублей аванса, я отправился служебным автобусом на проспект Мира в общежитие. Оно размещалось в двухэтажном здании постройки тридцатых годов, причём с учётом местного климата стены проектировались не на эффект разрушения, а с двойным запасом прочности. Оштукатуренные в охристый цвет, такие дома стоят почти по всем городам России. На первом этаже восседала пожилая женщина, дежурная, и вязала оренбургский платок.

Проснувшись на другое утро в общежитии, я встал и открыл окно. Была середина августа. Светло-синее небо, вдали виднелись холмы, окружающие город с северо-востока неким серпом. Это был кряж — линейно вытя-

нутая холмистая возвышенность без резкого очертания гребня и вершин, — в сером и тенистом мареве, как волны далёкого моря, уходили вдаль горы уральского хребта, разделяя географически Азию и Европу. Самой реки Урал (Яика) и Ори не было видно из-за холмов.

В поликлинике терапевт спросил, из каких я краёв, чем в основном питаюсь.

— Мясом и овощами. Люблю мёд и арбузы.

Доктор — юркий, лысый — напоминал манерами Ульянова-Ленина из фильма “Ленин в Октябре”. Он щёлкнул языком:

— Обожаю арбузы! Тут мы с вами кунаки.

На вопрос, чем я чищу зубы и какое мыло использую при водных процедурах, я ответил соответственно: зубной порошок и мыло “Хвойное”.

— Молодец! — воскликнул эскулап, потёр руки и подписал медицинскую карту. Затем вскочил и пожал мне руку. Мне подумалось, что он сейчас, запустив два больших пальца рук в проймы жилета, примется метаться туда-сюда, как тигр в клетке, но этого не произошло. Он просто похлопал меня, как породистого жеребца, по спине и произнёс значительно:

— С Богом, Андрей Фомич!

В паспортном столе, в райотделе милиции, мне, как молодому специалисту, рассказали, что до шестидесятого года Орск был наполнен преступниками. Освободившиеся из лагерей и после химии, имеющие “поражение в правах”, то есть те, кто, отбыв наказание, не мог в течение определённого срока возвратиться на родину, преступные элементы захлёстывали Орск и Новотроицк, где недавно был запущен металлургический комбинат. И вот однажды МВД направило два выпуска из училищ Министерства внутренних дел на так называемую практику, и они за два года очистили город.

Я решил осмотреть город Орск. Поднявшись вверх по проспекту Мира, повернул налево и вышел на улицу Ленина, как обычно, центральную во многих наших городах. На углу — трёхэтажное здание Главпочтамта и телеграфа, имеющих для меня практическое значение. Здесь я узнал, что связь с Харьковом дают после двадцати четырёх часов. “Значит, в Харькове — после двадцати двух”, — сообразил я. Миновал дом и арку, и рядом в большом доме из красного и силикатного кирпича увидел кафе “Яшма”, которое занимало первый этаж. Слово “Яшма” было выложено красновато-коричневым уральским камнем — собственно яшмой — над длинным и высоким стеклянным витражом.

На противоположной стороне улицы возвышался внушительный монумент — коробка недостроенного драматического театра из красного кирпича. Четкий классический фронтон выразительно вырисовывался на тёплом голубом небе, опираясь на могучие колонны. К зданию избегали широким полукругом гранитные ступени, выходящие на просторную площадку у парадного входа.

С обеих сторон в конце улицы Ленина смотрели друг на друга Дворец культуры машиностроителей и гостиница “Молодёжная” с небольшим кафе “стекляшкой”. Стол был там неплохим, но жидковатым в сравнении с южноуральской кухней. Кафе стремилось обрести европейский лоск, но обращившись это порчей русского желудка, а стало быть, — здоровья человека. Таковое впечатление я вынес, пообедав однажды в этом кафе. Во всём чувствовалась насаждение чуждого русскому человеку вкуса: лёгкие, сомнительные напитки; эксплуатация присутствия клиента, особенно если он с дамой, путём навязывания всякой всячины по взвинченным ценам. В обслуживании официантов проскальзывала формальная услужливая пошлость — заёмная, пришлая...

Повернув за угол, я сел в трамвай и отправился в старый город, чтобы посмотреть его расположение, вдохнуть воздух старины.

Я шёл вдоль Октябрьской улицы. Тишина. Машин мало. Легковых автомобилей я не видел вообще, только автобусы да небольшие грузовики. Народу на тротуарах, как и машин, немного, а празднующихся, как я, и вовсе нет: ни туристов, ни иностранцев, ни инородцев. Вдоль тротуара —

американские клёны, акации, китайские яблоньки. К кинотеатру “Октябрь”, размещённому в бывшей церкви без купола и колокольни, ведёт липовая аллея.

Словом, если идти на запад, по направлению к “Никелю”, то левая сторона улицы застроена частными домами — куренями с высокими каменными фундаментами на случай подтопления, с четырёхскатными крышами. Эту своеобразную архитектуру казаки применяли из сугубо практических соображений. Всякое казачество, особенно уральское, селилось только по берегам рек. В реках вдоволь рыбы, а далее от рек — степи, которые покрываются травой на весеннего Николу, а в июле уже травяной покров высыхает в прах...

В старину, когда не было плотин, реки разливались привольно. И поля илистая вода питала пойму, где влага сохранялась до конца августа. Справа, со стороны кряжа, тянулись двухэтажные дома в купеческом стиле, где когда-то жил промысловый люд. Встречались и дома послевоенной постройки. Я зашёл в магазин “Одежда”. Ни одного заграничного костюма, пальто или шубы. Исключение составляли китайские рубашки с торговой маркой “Дружба”. Изделия лёгкой промышленности поставлялись в основном из Магнитогорска, Челябинска и Свердловска. Мне понравились дублёные полушубки и длинные тулупы из овечьей шкуры, а также женские мутоновые и каракулевые шубы, мужские шапки из крашеной ондатры, каракуля, из лисьего меха, хоряка и других степных зверьков. Продавщицы были скромны и не слишком разговорчивы. Девушки глядели на меня с немым вопросом, а встретившись с моим взглядом, тут же опускали глаза или, потупившись, отворачивались. Я купил светлую с голубым отливом рубашку. Миловидная девушка с красивыми руками без маникюра бережно завернула покупку и вручила мне, не сдержав всё-таки улыбки. Я принял свёрток с радостью и спросил, давно ли она живёт в Орске.

— Всегда, — ответила юная красавица.

Получив исчерпывающий ответ, который свидетельствовал о естественном владении русской речью, я с поклоном отправился восвояси.

Через один дом располагался продуктовый магазин. Рыбный отдел изобилует всевозможной мороженой речной и морской рыбой с нашего Дальнего Востока, консервов тоже было видимо-невидимо. Икра — от щучьей до белужьей, — крабы, кальмары и обитатели морской пучины, мне не известные, например, морской гребешок... В мясном отделе на первом месте — баранина, далее — говядина, свинина и даже конина. Колбасы представлены всевозможные. Ешь — не хочю...

Я ещё несколько минут погулял по улице, затем, отыскав остановку, сел в почти пустой трамвай. Город трудился, выполнял задание партии и народа. Труд русского, как заметил русский философ Ильин, — религиозный, монашеский. Это свойственно нации, особенно таким городам, как Орск, куда во время войны было эвакуировано стратегически важное производство.

Конечно, мне после природы центрально-чернозёмного региона — Воронежских, Белгородских, Харьковских, Сумских красот — природа Оренбуржья представлялась несколько скудной. Здесь властвует степь, простор, размах, а богатства — подземные: шкатулки не только малахитовые, но и медные, золотые, яшмовые...

Меня охватило чувство если не одиночества, то некоей ненужности, заброшенности, я тосковал по родине, по родной стороне моей. Тосковал по матери и отцу, по друзьям... Мощь Харькова, развитого города рабочих и студентов, научной интеллигенции, где работают и прекрасный университет, и мой инженерно-строительный институт, так недавно расставшийся со мной, и богатые библиотеки, и множество заводов... Природа там живая, женственная, мягкая, весна дружная, об этом хорошо написал Иван Бунин в “Жизни Арсеньева”, а земля такая, что, как говорила моя мама, “дитя посади — и дитя вырастет”. Или, как говорил Антон Чехов, “оглоблю воткни — телега вырастет”.

Я вышел на своей остановке и пошёл в общежитие, где у меня была постель и письменный стол.

На другой день судьба моя решилась — меня направили на Ириклинскую ГРЭС, объявленную Всесоюзной комсомольской стройкой. До посёлка Гай автобус домчался быстро, миновав старинную слободу Ирикля. Здесь, в Гае, добывали открытым способом медно-колчедановую руду. Вдалеке от рудников белели новые дома шахтёрского посёлка. На автостанции в отдельном здании находилась столовая, славившаяся разнообразием и хорошим качеством блюд.

Открылась панорама строительства будущей ГРЭС. Велись крупные земляные работы. Перекраивался ландшафт, как говорят наши друзья немцы. Пожалуй, один квадратный километр площади для фундамента под электростанцию был так изрыт, словно после тщательной артиллерийской подготовки.

Так началась моя работа на строительстве ГРЭС.

Кто работает в живом производстве, на передовой линии, тому, за малыми исключениями, не остаётся времени и сил на занятия спортом, на повышение своего культурного уровня. Всё откладывается на отпуск, который длится всего-навсего двенадцать рабочих дней. Хотя сама работа, общение с производственниками, самая артельность труда поддерживает в человеке нравственность, доброту и уважение к своим собратьям. Искусство, книги, театры не могут заменить пространство и глубину жизни. Если вы полюбили песню “Оренбургский платок”, то вы полюбили не самую песню, а то, что она в вас разбудила — ваши сокровенные чувства к матери, к самому дорогому человеку на земле, матери, которая подарила вам Божий мир, воспитывала вас и охраняла вас, своё чадо, от всякой скверны.

За всё время моего небольшого досуга, свободного ото сна и мелочей жизни, я прочёл лишь несколько книг. Если я пытался их читать сразу после работы, то, прочитав несколько строк, тут же засыпал. Читал в субботу и частично в воскресенье, поскольку предстоящая работа уже начинала захватывать мысли. Это были “Чёрные доски” Солоухина, “Характеры” Шукшина, “Живые и мёртвые” Симонова, “Один день Ивана Денисовича” Солженицына. Томики Пушкина, Лермонтова и Есенина были всегда со мной. Посмотрел с удивлением, восторгом и с некоей гордостью за героическое прошлое моего Отечества фильм Бондарчука “Война и мир”. Очень там хорош капитан Тушин, Петя Ростов, Андрей Болконский и его отец, “пруссский король”, Пётр Багратион, Михаил Илларионович Кутузов...

Приблизительно через субботу я посещал театр, который пока находился во Дворце культуры “Строитель”. Здание театра отделялось изнутри, и его должны были скоро сдать Госкомиссии. И вот в один из дней к шести часам вечера я облачился в свой коронный чёрный костюм и в очередной раз пришёл в “Строитель”. Галстук ещё хранил аромат одеколона “Шипр” харьковского производства. Меня тут встретили мои новые друзья Михаил с Олегом и привели за кулисы к Олеговой жене Ирине. Она сияла, серые глаза выражали открытость, нескрываемое желание и ощущение жизни.

— Андрей, у меня нет слов, — сказала она, измерив меня взглядом. — Ты неотразим! И не забывай, что я замужня дама, — сказала она и приблизила губы.

— Я об этом, моя зазноба, помню и денно, и ночью.

— Молодчина, Андрей, ты гений, — воскликнул Олег.

— А вот и мои певицы! — Ирина представила нам молодых девушек.

Через несколько минут зал был заполнен до отказа. В Орске так бывало на всех мероприятиях. Причины известны. Суббота и воскресенье — дни выходные, и население Орска с удовольствием посещало любые зрелища и места, где можно пообщаться и показать себя, отвлечься от работы и домашних забот.

Мы заняли первый ряд. Ирина села за рояль. Исполнялись романсы: “Я ехала домой...”, “Караван”, текла задушевная мелодия и слова: “Мы странно встретились, и странно разойдёмся, // Улыбкой нежности роман окончен наш...”, “Не пробуждай воспоминаний // минувших дней, минувших дней...” Зал рукоплескал. Народ всей душой впитывал чувства авторов и исполнителей, внимая певцам с благодарной отзывчивостью. “Оренбург-

ский платок” в исполнении Ирины привёл публику в восторг. Крики “бис”, “браво” утихли не скоро.

— Поздравляю, это был фурор, — сказал я Ирине, когда после концерта мы танцевали с ней танго. Она с нежностью прижалась ко мне. Я выдержал волнение. И вдруг почувствовал на себе долгий взгляд. Посмотрел направо и увидел там девушку, которая, танцуя с парнем такого же роста, как я, смотрела на меня большими, выразительными глазами. Я забеспокоился, мне это сильно не понравилось. Музыка оборвалась. И я только в это мгновение ощутил тёплый живот Ирины. Она пристально посмотрела на меня. Широка дорога ко греху, но как тесна к спасению! Я проводил Ирину к Олегу и, поблагодарив её за танец, зашёл в буфет, где Михаил беседовал с двумя парнями...

— Андрей, хочешь что-нибудь выпить? — спросил он и поднялся.

— Нет, спасибо, Михаил, я пойду танцевать.

Я вновь спустился в танцевальный зал. Она стояла спиной ко мне. Светлые волосы густой волной ниспадали до самой поясицы, гибкой и податливо нежной, это было видно, когда она в разговоре слегка меняла позы. Я направился к ней. Она тут же повернулась ко мне навстречу с улыбкой. На мгновение я потерял свою независимость или мужество, Бог весть. Я поздоровался. Она, слегка прищурившись, назвала себя:

— Дарья.

Я тут же забыл её имя. Так бывало всегда, когда девушка мне нравилась, но этот случай был особенным, я был очарован, пленён красотой девушки — и внешней, и внутренней, которой не мог не видеть. И она это почувствовала. Как говорят, “на ловца и зверь бежит”. Пословица эта сюда не слишком подходит, но она выражает судьбоносность момента.

Всё уже было решено: мы будем вместе! Это знает она, и знаю я. Дальнейшее — дело техники. К моему счастью, заиграли вальс, а я заметил, что местные парни не умеют его танцевать. Я пригласил её на танец. Она, шагнув вперёд, положила мне одну руку на плечо, а другую, правую, вложила с лёгкой дрожью в мою ладонь, и мы закружились.

— Я Андрей. А вас, простите, как зовут? Скажите ещё раз!

— Дарья, — пропела она.

— Дарья, вы мне понравились.

— Вы мне тоже понравились, — ответила она, глядя на меня чистыми, невинными глазами.

— Тогда сделаем так. Я сейчас одеваюсь и выхожу. Буду ждать вас на улице, под фронтоном за колонной. Вы во что будете одеты?

— Я буду в рыжей лисьей шубе с воротником из чернобурки.

— Хорошо. Я в дублённом полушубке.

Я спустился в раздевалку, оделся и тут же вышел. Прислонившись к колонне, закурил. Прошло двадцать минут, и наконец показалась яркая лисья шуба. Дарья взяла меня под руку, и мы быстрым шагом направились к остановке. Я пожалел, что в Орске мало такси. До остановки было метров сто. Я оглянулся и увидел три фигуры. По всему было видно, что это “погоня”.

— Слушай, парниша, остановись, побазарить надо, — донеслось из-за спины.

— Слушаю вас, люди добрые, — ответил я...

Проснувшись в девять часов утра, я ощутил опухшую скулу. Вместе с болью проснулась и гордость за то, как я вчера разделался с бойцами.

Дарья спала сладко, зарывшись в пшеничную копну своих волос. Я бесшумно оделся и вышел, заперев дверь. Вернувшись из магазина, выгрузил бутылку румынского красного шампанского и две бутылки розового портвейна, свежий хлеб и всякую всячину. Дарья открыла глаза, приподнялась на локте. Увидев меня, встала с постели и села ко мне на колени, прижавшись головой к моей груди. Я без вина был пьян. Я был каким-то другим человеком. Очень хорошим и безгрешным...

Я помог Дарье помыться и одеться. На электроплитке согрел чайник, заварил в двух чашках чай. На тарелку положил два заварных пирожных. Дарья нарезала колбасу.

— Откуда ты узнал, Андрей, что я люблю краковскую?

— Потому что я её тоже люблю...

Она глядела на меня своими голубыми, как полевые цветы, глазами. Волосы она подвязала алой лентой, собрав их в лёгкий хвост.

Мы пили чай с пирожными. Я удивился, отчего я, когда бываю один, не пью чай с пирожными...

— Вкусно, — проговорила Дарья. Поднялась, вымыла посуду, протёрла её салфетками.

— Тебе надо приобрести полотенце для посуды. Нет, я тебе подарю, — сказала она.

— Дарья, ты забываешь, это — общежитие. И кастелянша даст мне столько полотенец для посуды, сколько мне будет нужно. Ты хочешь принять душ?

— Хочу.

— Я вернусь через несколько минут.

— Баб Нюра, — обратился я к дежурной, — у меня проблемы.

— Знаю. Твоя сивенькая уж больно хороша собой. Ох, где моя молодость! Вот тебе и невеста, Андрей. Ты парень со специальностью, инженер, за тебя любая девка пойдёт. Вот ключ от душевой для обслуживающего персонала. Можете идти вдвоём, только тихо.

Когда она улыбалась, то улыбалась всем лицом и глазами. Рот у неё был небольшим, губы розовые и полные, мягкие, сочные. Брови тёмные, ресницы же тёмные от корня, а к концам — русые. Волосы пахучие, густые и пушистые.

— Дарья, твои волосы — чудо природы.

— Да хватит тебе, Андрей. Нормальные волосы. А какие они должны быть? Я же не мужчина. Мама мне говорила, что у бабы волосы длинные, да ум короткий.

— Дарья, когда я глажу или перебираю твои волосы, как струны арфы, вдыхаю аромат этой пшеничной соломы, мне чудится, что вот-вот из неё вылетит перепёлка.

— Я и сама себе порой нравлюсь.

И она запела негромко:

*Всю ночь поют в пшенице перепёлки
о том, что будет урожайный год,
ещё о том, что за рекой в посёлке
моя любовь, моя судьба живёт.*

Голос у неё был русский, глубокий, гибкий, с грудным подголоском, как у гармошки.

— Это моя любимая песня на слова Исаковского, а кто композитор, знаешь?

— Блантер.

— Верно. Ты была на концерте там, во Дворце культуры?

— Была, мне очень понравились романсы. А когда Ирина, я не запомнила её фамилию, спела “Оренбургский платок”, я даже всплакнула. — Она притихла. — Сразу отвечу на твой вопрос, который хотел бы ты мне задать, но не решаешься: слова Виктора Бокова, а музыка Георгия Пономаренко.

Я развеселился. Встал и налил в стаканы шампанского. Она немного отпила и вернула стакан мне.

— Вообще твои волосы... но чтобы тебя не смущать, скажу так: женские волосы таят в себе страсть. Они эротичны, как и настоящее женское тело, прельщающее мужчину. Это продолжение женщины, её код и символ... Я пью за твои белокудрые волосы...

— Спасибо тебе...

Проснулись мы на закате. Я открыл окно. Снежный ветер внёс в комнату несколько снежинок. Одна из них замерцала у неё на реснице. Я облил её водой из-под крана и насухо вытерся полотенцем. Одежда и вышел, давая ей возможность привести себя в порядок.

Когда я вошёл в комнату, на столе был сооружён ужин. Стаканы стояли во фрунт, чистые и подтянутые. Она встала и прижалась ко мне так, что хоть стой, хоть падай...

Степь молчала. Вокруг снега, холмы, а с севера белел гористый кряж. Солнце слепило глаза. Простор завораживал. “Однообразная красивость” вносила в душу спокойствие и некую небытийность.

Дарья, склонив голову на плечо моей волчьей дохи, казалось, подрёмывала. Водитель крепко держал баранку в меховых рукавицах. Вдруг мы словно проснулись. Поднялся сильный ветер. Хлопья снега понеслись параллельно земле, горизонтально, затем они превратились в некую пыль, прах... Сквозь щели автомобиля засквозил резкий холод. До посёлка Ирикля оставалось километра три. Шло великое перемещение снегов, которые заняли всё пространство между небом и землёй. Редкий по силе, но обычный в этих местах оренбургский буран.

Добрались мы до Ирикля более или менее сносно.

— Если буран не прекратится, то придётся задержаться, — спокойно и рассудительно сказал водитель.

Дарья была уроженкой этих мест и потому разволновалась. Она шагала к столовой, схватившись за мою руку, по пушистому снегу в новых мягких валенках (валенцах).

— Дорогу теперь прочистят, наверно, не скоро? — спросила она у водителя.

— Как только буран утихнет, сразу впереди нас пойдут бульдозеры и автогрейдер. Здесь вам не у Проньки в радиорубке, в бирюльки не играют.

Дарья засмеялась. Она ответ поняла, но его форму не постигла. Я же объяснить не стал. Водила был наш человек.

Обед в столовой и Дарье, и водителю понравился.

— У нас Оренбурге похоже, но здесь более сытно, — правдиво и без всякого лукавства сказала Дарья.

Я взглянул на неё с одобрительным удивлением.

— Обед самостоятельный, — заметил водитель.

Буран затихал, мягко пошевеливаясь. Вот он перешёл в дежурную метелицу и, наконец, иссяк. Воссияло солнце. Затарахтели бульдозеры. Спустя полчаса мы потихоньку двинулись к Энергетику.

Дарью я пригласил пока к себе, перед тем как затевать ей регистрацию в комсомольском штабе. Я оставил её в одиночестве, а сам, не мешкая, подался в прорабскую. У вагончиков шла дружная работа по расчистке снега. Я поприветствовал всех и сменил волчью доху на бараний полущубок, а ботинки — на спасительные валенки, предварительно обернув ноги портянками.

Работа завершила меня, как метелица. Я забыл, что Дарья там, в моей комнате, одна. “Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая!..” Можно и так сказать. А по слову Владимира Мономаха, надо делать дело мужчин, наше мужское дело, к чему мы призваны... И параллельно требуется сторониться лжи и пьянства, “ибо в них душа погибает и тело”. А тайна всего этого заключается в любви, рассыпанной по миру, как звёзды по небу...

Каким бы ты ни был опытным человеком, но прошлый опыт — не мера истины, а только ключ от двери, где она находится.

Я перебирал все случаи из своей жизни, а также все чужие опыты, накопленные персонажами книг, но никак не мог принять решение: жениться мне на Дарье или нет. Вопрос этот неспральный, однако, оставался открытым. Я стал прислушиваться к себе. Как говорят, стараясь услышать голос своего сердца... Но все мысли мои неслись мимо, как метель. Тогда я решил написать письмо домой — сестре Людмиле. Я описал ей внешность Дарьи, сообщил, что она из Оренбурга и нравится мне очень во всех отношениях. Но я заверил своих родных, что не останусь здесь, в Орске, поскольку никто не меняет хорошего на плохое по доброй воле: голые степи Оренбуржья не заменят мне Черноземья.

В ответ Людмила написала мне, что будущая жена должна быть милостивой и красивой в меру, что красивая жена — чужая жена. С красотой редко уживаются хозяйственность, разум и сочувствие... “С лица воды не пить” и другие пословицы, на которые так щедр русский человек, привела она мне. Мама приписала столько, что получилось больше, чем у Людмилы: “Андрюшенька, жалкий мой сыночек, если ты задумал жениться, золотко моё, то было бы не лишним вам с Дарёнкой съездить в Оренбург, узнать её отца и мать, определить род. Мой папаша, прежде чем совершить рукобитие, дать согласие на брак с твоим отцом Фомой, знал о женихе всё до пятого колена: кто чем болел, каким был в работе, в уме, в здоровье... Нам было проще, за нас решали наши родители, отец, глава рода. А вы теперь, молодые, брошены сами на себя. Права человека соблюдаются, но опыт жизни свой и родительский не учитывается... но это, наверно, только у нас, у русских... Если любовный туман не рассеется ваш, тогда гляди со всех сторон, как ты хочешь устроить свою жизнь. Не спешь наудалую, на рысях. Может быть, Дарья-то и хороша, но она дерево с иной почвы и пересаживать её надо с осторожностью... Да и то надо сказать, сынок, харьковские и белгородские девки — кровь с молоком. А хохлушки работающие да хорошие поварахи, и рожают здоровых детей... Не зря у нас такие мясистые и сладкие созревают вишни. Какова природа, таков и человек. Вон твой дядя Жора, мой старший братец, привёз после войны жену себе — девочку из Нижнего Тагила. Помнишь, я тебе рассказывала, что танковый завод харьковский, где Егор работал конструктором, эвакуировали туда, на Урал, только не на Южный, а на Средний. Так она пожила с годок и уехала назад к маме, в Тагил... Ну, а если ты уже к ней так пристрастишься, влюбишься в её красоту, особенно в её волосы, которые в нужде и беде быстро секутся, то, когда будешь ехать домой в отпуск, привези и её, пусть поживёт у нас, привыкнет. И ты пошире увидишь её в простой, бытовой жизни... А жизнь наша, Андрюшенька, такая, что счастья в ней мало. Как писал Есенин, что радость бывает редко, как вешняя звень поутру... Будем надеяться на Бога. Храни тебя Господь. Да укрепит Он разум твой на всех путях твоих. Береги себя и не дюже уповай на работу. Может, тебе нужны деньги? Напиши. Крепко тебя целую. Привет тебе от папы...”

Когда я получил это письмо, к вечеру ко мне в Орск приехала автобусом Дарья. Румяная, весёлая... Я смотрел в её ясные и звонкие, как бубенцы, глаза. Не снимая шубы, она повисла на моей шее. И принялась шумно и часто меня целовать.

— Я принесла тебе подарок.

Она открыла сумку, извлекла из неё бумажный кулёк, где была бутылка вина и кольцо краковской колбасы. Я содрал с неё шубу, снял шапку и платок, она стремительно села на кровать и мигом скинула с ног валенки. Я повалил её на спину, и мои ладони оказались под её тонким свитером. И уста её замолкли, губы похолодели. У женщины, охваченной страстью, уста всегда чисты.

Я знал, что Дарья работает в бригаде маляров отделочного субподряда. Прораб Виктор Усов — парень свой в доску, разбитной малый. Я ему отдал Дарью под особую опеку и охрану.

— Что, Дарёнка, как твоя комната в общежитии? — спросил я, наливая вина в стаканы.

Дарья нарезала хлеб и колбасу.

— Я тут обзавёлся чайником, теперь будем пить чай по-купечески, вприкуску...

Она улыбнулась и поцеловала меня. Я неосторожно опрокинул стакан с вином на брюки, пришлось их снять.

— Вино знает, что делает, — улыбаясь с прищуром, проговорила Дарья и бросила брюки в раковину. Пришлось облачиться в тренировочные.

Не успели мы с Дарьей допить чай, как шумно ввалились Олег с Михаилом, а с ними Ирина и ещё какая-то приятная брюнетка с густыми ресницами и очаровательной улыбкой. Она оказалась удмурткой из Ижевска. По-знакомились.

— Зинаида? Очень звучное и мелодичное имя, — сказал я.

— Особенно, если учесть, она пианистка, преподавательница музыки в консерватории.

— Боже! Какие у нас люди, Андрей! Что-то надо предпринять, — с наигранной озабоченностью проговорила Дарья.

— Ничего не следует предпринимать. Мы всё обдумали: идём все вместе в кафе “Ласточка”, — заявил Михаил и подмигнул: — На одной колбасе далеко не уедешь.

Я спустился в кладовую и достал из чемодана чистые брюки цвета маренго, там же и облачился в них. Правда, ремень вдевал уже принародно. Минут через сорок мы были в просторном зале “Ласточки”, где поужинали на славу.

После кафе поехали в центр старой части города, где находится Преображенская (Яшмовая) гора. Канатная дорога не работала, и мы полюбовались ею, не подымаясь вверх, ибо можно было легко свалиться или утонуть в снегу...

— Докладываю, товарищи присутствующие, — начал Олег, — не так давно, в 1769 году, учёный Леонард Эйлер наблюдал прохождение Венеры перед диском Солнца.

— Откуда наблюдал, с крыши твоего дома? — вскричал Михаил.

— Объясняю специально для тупых: Эйлер наблюдал Венеру с вершины Преображенской горы, перед величием которой мы с вами, грешные его потомки, смиренно стоим в молчании.

И все мы замерли, почувствовав уважение к какому-то далёкому, неведомому нам Леонарду Эйлеру.

Пришла весна. Снег сошёл. И сразу стало сухо. Рыть траншеи — одно удовольствие. Мне прислали роторный экскаватор. Я этим “чудом” легко гнал погонные метры, благо водовод был неглубок — чуть ниже глубины промерзания. Работа кипела. И её хватало всем: и монтажникам, и каменщикам, и строповщикам, и трубоукладчикам, и сварщикам, и даже отделу снабжения. Нам подвозили трубы, готовые углы поворота, крестовины, запорную арматуру...

В июне прибыли из Луганска две девушки. Они, как и обещал Арсений Саввич, поступили в моё распоряжение в качестве мастеров. Я ничтоже сумняшеся передал их под мощную длань геодезиста Феодора Ивановича, пусть поднатаскивает их в геодезии, а я им преподам практическую технологию строительства и сметы. Росточка обе были среднего, одна — рыжевата, а другая — темноволосая, черноглазая, юркая, как сорока.

Недели через две, как мне доложили, они обе в меня влюбились, что не помешало черноглазке через два месяца выйти замуж за экскаваторщика Митюшку... А рыженькая ещё через месяц вышла за помощника комсорга стройки Завалишина, парня смышлёного и нахального. Все эти известия, мне думается, беспокоили Дарью, но мне она ничего не говорила, даже и не намекала на нашу женитьбу. Словом, на комсомольских свадьбах мне пришлось побывать дважды, а потом и хлопотать у Гурового Александра Васильевича квартиры для молодожёнов.

Эх, Дарья, Дарья, свет ты мой в окошке! Зима прошла у нас с ней в полной любви, самозабвенности и счастье постижения мира, которое дано только влюблённым и детям... И я боялся всё это нарушить решением о браке. Думал, что, как в сказке, стоит произнести заветное слово, как чудо исчезнет.

Однажды я задержался на планёрке, а потом разбирался с дракой между нашими слесарями и электриками из “Орскэлектромонтажа”, которые проложили ошибочно кабель поперёк нашего будущего водовода. Хорошо, что кабель был не под напряжением. Наш экскаватор вырвал его, как василиска, из недр земных. Справедливость была восстановлена, поскольку мне удалось поладить с начальником электромонтажных работ. Дело закрыли.

Наконец, я отправился к Дарье в общежитие. Она жила на втором этаже, в одной комнате с девушкой из Челябинска. Завидев меня, бросилась ко мне:

— Куда ты пропал, Андриюшенька? Я уже дважды ходила к тебе, но дверь была заперта.

Она прижалась ко мне. Глаза её увлажнились.

Мы отправились ко мне. Она всё грустила.

— Что-то ты печальна, моя хорошая? — спросил я.

— Я сильно полюбила тебя, Андрей. И не знаю теперь, что будет со мной, если ты меня бросишь.

— Что за глаголы, Дарья! “Бросишь”! Ты что, вещь?

Дома мы выпили чаю. Включили приёмник. Пластинок не ставили. Было поздновато. Легли в постель. И вновь всё было так, словно она не произносила своих грустных слов.

В августе исполнилось ровно два года, как я вкалывал на южноуральской земле. Домой тянуло страшно. Но с Дарьей я туда ехать не хотел. Хотел нагнать туда один, чтобы можно было смотреть “в озёра синие”, “в лугах ромашки” рвать и слушать, как шумит высокая пшеница, где высокие дубы в парке Шевченко стоят, подминая под себя тень. Где зреют жёлтые, как воск, увесистые груши и в росистую траву гулко падают яблоки... Где ждали меня мать и отец... Мне нужны были свободные руки, чтобы распахнуть объятия всем переулкам и улицам города, где мне известен был каждый завод, институт, фабрика, кинотеатр, ресторан, пивная... парк, сквер...

И, наконец, во мне созрела мысль вернуться домой, на родину... Одному.

Однажды я подарил ей перстень. Прощальный. Она открыла коробочку и замерла в восхищении. Дорогой камешек, сверкнув, заиграл мягким светом.

Она принялась целовать и обнимать меня, а потом залилась слезами и редела, как баба, провожающая дорогого человека на войну. Когда она успокоилась, я сказал ей, чтобы она посмотрела на внутреннюю сторону перстня, где было выгравировано: “Дарье от Андрея”.

В тот день в кинотеатре “Мир” мы с ней смотрели вторую серию фильма Бондарчука “Война и мир”, потом зашли в кафе “Яшма” поужинать. Вечером в постели говорили о многом. Дарья призналась, что хочет после отпуска, который она проведёт в Оренбурге с отцом и матерью, поехать в Челябинск и поступить в медицинское училище.

Ночью мне вдруг стало тоскливо. Я встал и опрокинул целый стакан перцовки. Дарья спала, разметав свои пшеничные волосы по всему изголовью кровати...

Через неделю я получил расчёт и премиальные, получилась внушительная сумма: четыреста пятьдесят рублей. На эти деньги можно было прожить припеваючи в Харькове месяца три.

Съездил на вокзал и купил билет до Харькова на поезд “Барнаул — Днепропетровск”. Заехал на объект. Как говорится, сдал бразды правления. Вечером, домой, рухнул на кровать, от усталости едва успел стянуть с себя сапоги и спецовку и тут же уснул. Мне снилось, что я еду поездом в Харьков, на родину. Слышу колёсный стук. Рядом со мной сидит Дарья и взволнованно что-то мне говорит, но её речей я не слышу... Слышу, как зашипели тормозные колодки, и всем своим существом понимаю, что я, наконец, в Харькове. Пахнет кислотоватым запахом прогоревшего угля в титанах, и меня охватывает недвижимая теплынь сентября, его благодатная, суховатая мягкость. Вижу освещённые зарёй две высокие башни Южного вокзала с тяжёлыми стрелками квадратных часов... Слева, на привокзальной площади, работник таксопарка размахивает рукой в красной повязке... Выплывают лица матери, отца, сестры Людмилы и брата Дмитрия... А Дарья уже рядом нет.

Настойчивый стук в дверь вырвал меня из сна. На пороге стояла дежурная по общежитию тетушка Нюра. Я смотрел на неё, как смотрит на берег матрос после кораблекрушения.

— Приходила твоя сивенькая. Письмо тебе оставила. Ты, говорят, скоро отъезжаешь к себе на родину.

— Верно говорят...

— Платок-то купил матери?

— Купил, тётушка Анна, настоящий оренбургский платок из козьего пуха.

На душе у меня потеплело.

— Ох, и стройна ж Дарья-то твоя. “Кобылица молодая, в мелки кольца завитая...”

— А письмо где? — откашлявшись, спросил я.

- Да как мне тебе его отдавать? Может, споёшь или спляшешь?
— Спою!

*Говорят, что я старуха —
чтой-то мне не верится!
Ну, какая ж я старуха —
всё во мне шевелится! —*

пропел я *страдание* и сам себе похлопал в ладоши.

Как только она ушла, я запер дверь на ключ и разорвал конверт.

“Андрей, любимый! Я буду помнить тебя всегда. Буду любить тебя всю жизнь. Может быть, если будет невоготу, — встретимся. Я помню все наши разговоры. Когда я спросила тебя, женился ли бы ты на мне, если бы я забеременела от тебя, ты ответил: “Может быть”. Когда я спрашивала тебя об этом, я уже несла под сердцем своим твоё дитя. Но ты не захотел “надевать на себя цепи брачных уз преждевременно” ради своих планов и высоких целей. Я это поняла и не посмела стать помехой на твоём жизненном пути. Ведь это было видно по всему, поскольку ты даже все положенные тебе квартиры отдавал рабочим. В этом тоже проявлялась и твоя возвышенная натура и вера твоя в своё некое необычное предназначение. Я буду помнить тебя всегда, такое не забывается. Ты для меня если не всё, то очень и очень многое. Выразить свою любовь к тебе я не могу словами. Завтра вечером я уезжаю в Челябинск. Жить пока буду в общежитии медицинского училища. Может быть, я дам согласие выйти замуж за парня, с которым меня познакомил Светлана ещё в Челябинске. Он юрист. Зарабатывает неплохо. Мечтает стать прокурором. Я его не люблю, но он мне не противен. Если захочешь мне написать, пока пиши: Челябинск, 124655, до востребования Светловой Дарье Афанасьевне. Прощай! Твоя Дарёнка”.

Мне стало холодно и тоскливо. Я оступел и, кажется, потерялся. Ползучий страх охватил мою душу... Случилось несчастье. Какое? Я ощущал тяжкую потерю. Господи! Где же Дарья — дар Твой, посланный мне Тобой? Я рухнул на колени и заплакал. Слезы текли по моему лицу такие же горячие и солёные, как в детстве. Я представил икону Спасителя в моей комнате в Харькове. Я шептал молитвы, которым с детства научила меня мать. “Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, оживотвори мя, грехами умерщвлённого, яко сына вдовицы”...

Я боялся выйти из комнаты... Потом, поднявшись, я сел на табурет, выпил из графина воды. Глянул с осторожкой в окно. Медленное тепло заполняло мою грудь... Как я мог отодвинуть любовь на опосля? Опосля чего? За чем убежать от любви, жизни и молодости? И куда?

Что-то надо было делать. Какой Челябинск!? Я посмотрел на часы. Было четыре часа. Солнце свернуло за полдень. Я вышел в вестибюль. Тётушка Нюра вязала свой бесконечный оренбургский платок. Она с тревогой посмотрела на меня поверх очков:

— “Что с тобой, мой сокол ясный? Что ты тих, как день ненастный?..”
Да на тебе лица нет! Что она тебе написала?

— Да так, ничего...

Я спешил к единственному телефону, который стоял у вахтёрши.

— Арсений Савич! Спасите меня. Мне срочно надо в Энергетик.

— Ладно. Не вопрос, Завтра дам машину. Обстоятельства терпят?

— Никак нет!

— Дела сердечные?

— Они.

— Это святое. Ты где?

— В общежитии.

Через сорок минут подкатил Карлуша.

— Карл, дорогой мой, гони в Ириклу, в Энергетик. Да поскорее, иначе я умру.

Сентябрьская степь была сухой и безветренной. Машина шла быстро и легко. У меня было такое ощущение, что даже машина, и та знает, зачем и куда я еду.